

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10>

EDN: TTSEYY

Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая

Анна В. Верещагина¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: anrietta25@mail.ru

Аннотация

В разделе «Введение: находится ли институт семьи под реальной угрозой?» анализируются текущие реалии функционирования российской семьи, неоднозначно интерпретируемые современными специалистами в области фамилистики, зачастую, в формате катастрофических последствий (гибель семьи как социального института). Анализ данных статистического и эмпирического характера по «болевым» точкам развития российской семьи позволил сформулировать проблему, связанную с поиском альтернативного ответа на вопрос о сути протекающих в пространстве современной семьи процессов и изменений, помимо уже имеющих в социологической литературе.

В содержательных разделах в виде вопросов о смысловой перезагрузке семьи, ее парадигмальном переходе к модели семьи платформы с описанием ее существенных характеристик и проблем управления ею традиционно принятыми в российском государстве способами, даются ответы, выводящие на итоговый вывод о том, что наблюдается начало заката семейной цивилизации в том ее виде, в котором привыкли традиционно воспринимать. Однако это не означает гибель семьи. Она меняется в логике глобальных перемен, и эти изменения нуждаются в своевременном научном осмыслении с тем, чтобы повысить эффективность семейной политики и иметь возможность изменить просматриваемые в будущем российской семьи негативные сценарии развития.

Ключевые слова: семья; институт семьи; развод; неполная семья; брак; семейные отношения; семья платформы; демографические процессы.

Для цитирования: Верещагина А. В. (2024). Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 108-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10>.

Russian family in times of change: autonomous, uncontrollable, unpredictable

Anna V. Vereshchagina¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: anrietta25@mail.ru

Abstract

In the part "Introduction: is the family institution under real threat?" the modern functioning of Russian family is analysed. It is ambiguously interpreted by modern experts in the field of family studies, as a catastrophe (the death of the family as a social institution). The analysis of statistical and empirical data on the "pain points" of the development of Russian family allows us to formulate a problem related to the search for an alternative answer to the question of the essence of the processes and changes taking place in the modern family, in addition to those already available in the sociological literature.

The answers are given **in the substantive sections**. They are presented in the form of propositions about the semantic reboot of the family, its paradigmatic transition to the family-platform model, with a description of its essential characteristics and management problems in

the ways traditionally accepted in the Russian state. The conclusion is that the beginning of the decline of family civilization in traditional form is observed. However, it does not mean the death of family. It is about changes occurring in the logic of global changes. These changes need scientific research in order to improve family policy and be able to change the negative development scenarios in the future of Russian family.

Keywords: family; family institution; divorce; single-parent family; marriage; family relations; family platforms; demographic processes.

For citation: Vereshchagina A. V. (2024). Russian family in times of change: autonomous, uncontrollable, unpredictable. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 108-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10>.

Введение: находится ли институт семьи под реальной угрозой?

Современные дискуссии вокруг настоящего и будущего российской семьи все чаще и чаще принимают характер катастрофических прогнозов (Катастрофа института семьи..., 2024). Специалисты в области социологии семьи пророчат гибель этому ключевому социальному институту, ответственному за воспроизводство общества посредством реализации функций по рождению и воспитанию детей. Продолжение рода, воспитание детей, любовь и другие составляющие института семьи, как полагают исследователи, в недалеком будущем окажутся на свалке истории. Так ли это? Стоит ли так категорично говорить о кризисах и катастрофах, угрожающих семье? Возможно, это не тот язык, которым следует описывать происходящее с семьей изменения с учетом того, что семья по-прежнему остается важнейшей ценностью в системе ценностей российского общества? Очевидно, что речь идет о трансформации института семьи, о чем говорят многочисленные факторы, и приведем важнейшие из них, обычно используемые для анализа демографического состояния российского общества, столь же критически оцениваемого (Росстат оценил динамику ..., 2023), как и состояние института семьи.

Первый из них связан с высокой динамикой разводов (особенно среди молодых семей (Верещагина, Жиденко)) при снижении численности заключенных браков. В рейтинге стран с высоким уровнем разводов Россия занимает высокую позицию при том, что россияне, по-прежнему, согласно данным ВЦИОМ (осень 2024 года), больше привлекает создание семьи, нежели одиночество (Разводы в России..., 2024). Среди причин разводов, согласно данным того же опроса ВЦИОМ, доминируют финансовые трудности и жилищные проблемы, а также деструктивное поведение партнера.

Рост разводов увеличивает и другой показатель, сказывающийся на семейно-демографической ситуации в обществе, - численность неполных семей. Согласно данным последней Всероссийской переписи населения (2020 года), 31,2% семей в России составляют семьи, в которых несовершеннолетние дети воспитываются одним из родителей, т.е. те самые неполные семьи (Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 года...). Каждый третий ребенок в России живет в неполной семье, и у этой неполной семьи «женское лицо» (Эксперты при Минтруда описали «портрет»...).

Высокий уровень разводов способствует заключению повторных браков. Россияне не только активно разводятся, но и вступают в повторные браки. После расставания почти половина жителей России вступают в новые семейные отношения. В брак на всю оставшуюся жизнь уже мало кто верит, но в возможность создания счастливых супружеских/семейных отношений после распада предыдущих, очевидно, вера сохраняется. Однако в последнее время наблюдается снижение официально зарегистрированных повторных браков, что не исключает самого факта создания новых семейных союзов – люди все чаще предпочитают вступать в гражданский брак (так называемое сожительство). Наиболее распространены такого рода браки среди молодежи. Не все сейчас рискуют вступать в брак сразу же под влиянием романтических отношений, а предпочитают проверить свои чувства, отношения. Те же, кто уже прошел через разочарование в семейной жизни и процедуру бракоразводного процесса, не всегда стремятся снова связать себя узами официально (зарегистрированного) брака. И

потому понятен вывод демографов, которые установили в свете последних статистических данных о динамике брачности в России, что россияне все реже женятся повторно (Повторные браки теряют популярность...), а рост популярности гражданских брачных союзов на фоне обозначенной ситуации позволил некоторым исследователям предположить, что со временем возможно введение института пробного брака, как часто называют гражданский брак (сожительство), как официальной формы брака (Григ А. Красная книга...).

Непрочность брачных уз, изначальная установка на возможность их разрыва с последующими проблемами, стрессами, финансовыми затратами, связанными с процедурой развода, в том числе и разделом имущества супругов, по всей видимости, стали причинами роста в России брачных союзов, оформленных по типу брачного договора. Несмотря на то, что эту семейно-брачную практику еще сложно назвать массовой, ее распространение связано не только с изменением отношения к владению и распоряжению семейным имуществом в российском обществе, но и с сохранением высокого уровня социального недоверия, в том числе и на межличностном уровне. Так, в ходе опроса ВЦИОМ (январь 2024 года) было установлено: только каждый четвертый россиянин считает, что можно доверять большинству людей, а большинство (71%) полагает, что во взаимоотношениях с другими людьми стоит соблюдать осторожность (В поисках доверия. ВЦИОМ, 2024). Рекордное количество брачных договоров в России было зафиксировано в период пандемии коронавируса, в 2020 году, что, по мнению экспертов, связано со стремлением защитить имущество от неудач в бизнесе, от кредиторов (Под влиянием Голливуда...). Мы же полагаем, что причина кроется также в другом – пандемия заставила многих осознать подлинный характер сложившихся семейных/супружеских отношений в результате вынужденной изоляции от общества в границах семейных пространств, обнажить семейные «язвы и раны», латентно существовавшие в допандемийный период, что вызвало волну разводов в России и во всем мире (Как пандемия повлияла на разводы..., 2021). В этой связи, как нам представляется, вполне логично предположить, что в массовом сознании произошли некоторые изменения, связанные с более осторожным подходом к заключению семейных союзов.

Следующим фактором выступает возраст вступления в брак. Он поступательно растет из года в год и уже составляет в пределах 27–29 лет. Многие из россиян в условиях современной реальности предпочитают заводить семью после 35 лет (Когда пора по парам?...), и в сравнении с 90-ми годами прошлого века этот возраст значительно увеличился. С этим фактором связан также фактор повышения среднего возраста матери при рождении первого ребенка (Когда пора по парам?...). Он поступательно растет в российском обществе, и на сегодняшний день составляет порядка 26 лет. Связано это как с женской эмансипацией, так и откладыванием свадьбы, т.е. официального заключения брака, а в российской семье по-прежнему предпочитают следовать традиции, когда дети рождаются в браке. Этому способствует и современная семейная политика государства, помощи молодым семьям и т.д.

Безусловно, указанные факторы не могут не сказываться на динамике рождаемости в российском обществе, которая, имея пониженный характер на протяжении нескольких десятилетий на фоне превышающей ее показатели смертности, выступает основным аргументом при прогнозировании неблагоприятного сценария дальнейшего демографического развития страны. Также в качестве такового приводится такое явление, как чайлдфри (добровольная бездетность). Этот стиль репродуктивного поведения семьи получает распространение в российском обществе, символизируя не только реакцию на внешние обстоятельства (экономическая нестабильность, небезопасность, высокая степень социальной неопределенности и т.д.), но и глубинные изменения в массовом сознании молодежи, в ее ценностных ориентациях, в частности, в отношении ценности семьи и детности. Все опросы российской молодежи на протяжении последних десятилетий фиксируют репродуктивные установки на малодетную, а зачастую и бездетную семью. Молодежь не планирует в раннем возрасте становиться родителями, ориентируясь на иные ценности,

планы, жизненные стратегии, связанные с образованием, профессионализацией, карьерой, обретением устойчивого экономического статуса и т.д. Хорошо известно, что отложенные во времени рождения, пролонгация рождения первого ребенка негативно сказываются на динамике рождаемости, но это уже реальность современной жизни. Молодежь не готова к реализации своих репродуктивных установок в условиях отсутствия собственного жилья, уверенности в завтрашнем дне, в стабильном доходе. Молодежи нужны гарантии, уверенность в том, что с появлением в семье ребенка они, молодые родители, смогут поднять этого ребенка самостоятельно. Такие гарантии формируются у многих только к 30-ти годам, в лучшем случае, а потому и возраст рождения первого ребенка в России (собственно, как и во многих странах современного мира) активно приближается к 30-ти годам. При этом опросы общественного мнения показывают - большинство россиян уверены в том, что первого ребенка надо родить до 30 лет (93% опрошенных россиян..., 2024).

Учитывая приведенные выше показатели, современный период в жизни современной российской семьи можно назвать серийной моногамией. Это означает, что городская российская семья существует, в среднем, 5–7 лет в одном и том же составе. Затем, в результате различных событий в семейной жизни (развод, повторный брак), происходят трансформации, связанные с изменениями в составе партнеров. На протяжении жизни у человека может быть несколько брачных партнеров в разное время, и это уже стало некой нормой, но для специалистов устойчивое воспроизводство таких явлений, как рост разводов, снижении брачности, повторные браки, распространение гражданских браков, а также феномена чайлдфри и различных форм семейно-брачных отношений, в том числе нетрадиционных, выступает основанием для вывода о том, что институт семьи скоро занесут в Красную книгу. Этот вывод нам представляется преждевременным, но разобраться в том, что происходит, необходимо.

Современная семья: смысловая перезагрузка?

Совершенно очевидно, что семья в современном мире переживает период парадигмального перехода, смысловой перезагрузки. Не подвергая сомнению тезис о том, что семья – ячейка общества, его базовый социальный институт, следует, тем не менее, задать вопрос – остается ли она фундаментом общества, без которого немислима жизнь человека? Безусловно, опираясь на все опросы о базовых ценностях, о мечтах россиян, мы, в итоге, придем к утвердительному ответу – да, остается. Однако на практике ситуация выглядит иначе.

Что делало семью фундаментом общества? Обратимся к традиционно сформировавшейся и активно используемой до сих пор социологами формуле «общество-семья-индивид», в которой семья выступает неким посредником между социумом и индивидом, обеспечивая потребности не только личности, но и государства, общества (в контексте реализации своих функций, прежде всего, по рождению и воспитанию детей). Согласно этой формуле ни общество, ни индивид не способны существовать без семьи в ее традиционном понимании. И для традиционного общества это было, действительно, так. Без семьи человек превращался в изгоя, не внушал доверие, ему приходилось нелегко в жизненной самореализации, так как семья выступала, во многом, экономической ячейкой общества и тем социальным капиталом, который и до сих пор продолжает много значить для человека. Но и без помощи семьи, семейных связей современный человек способен многого добиться, а статус одинокого человека, в том числе и добровольно (осознанно) выбравшего себе одиночество как стратегию жизни, никого уже не пугает и не удивляет. Более того, одному порой легче добиться жизненного успеха, нежели тому, у кого есть семья, дети. Т.е. индивид уже в состоянии прожить без семьи без особого труда, а сама семья, в свою очередь, уже не ориентирована на реализацию запросов общества, тех функций, которые так необходимы государству для социально-воспроизводственного процесса. Иными словами, семья автономизируется, становится самостоятельной единицей, самостоятельным микромиром, ориентированным на удовлетворение собственных

потребностей, интересов, которые зачастую не совпадают с государственными (примером служат добровольно бездетные семьи), т.е. формула «общество-семья-индивид» уже вызывает сомнения в своей аксиоматичности.

Автономизация семьи – закономерный процесс, соответствующий формату современного атомизированного мира. В ряде футуристических прогнозов семья выглядит обреченным институтом, который необходим для выживания посредством кооперации усилий, ресурсов. В атомизированном обществе, основанном на стремлении к личному комфорту, необходимость в семье отмирает, и она даже мешает комфорту частного существования, что и стало источником распространения одиночества как сознательно выбранной траектории жизни.

Но на эти суждения также можно возразить. Разве при высокой динамике изменений и рисков современной жизни человеку не нужна более-менее стабильная среда, которая позволит чувствовать себя увереннее, спокойнее по типу «мой дом – моя крепость»?

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией крайних по своей сути тенденций, характеризующих состояние и функционально-смысловое наполнение семьи в современном мире и в российском в том числе. С одной стороны, семья, действительно, перестает быть формой организации жизнедеятельности человека, необходимой для выживания, а ее сущностное предназначение, складывавшееся веками, выхолащивается, расщепляется на множество смыслов, рожденных на стыке культурного слома, ознаменовавшего переход к обществу сначала индустриального, а затем и информационного типа. С другой же, в этом безумно динамичном и небезопасном мире некая стабильная основа крайне необходима для обеспечения социально-психологической устойчивости, и ситуация пандемии это продемонстрировала (Верещагина, 2021). В условиях, когда на глазах у всего мира рушится привычный мир и не знаешь, чего ожидать от завтрашнего дня, сколько придется находиться в режиме социальной изоляции и чем все это закончится, вдруг осознаешь важность прочных семейных уз, с которыми ассоциируется отсутствие страха одиночества и стабильность, как минимум в таких важных проявлениях человечности и человеческого, как поддержка, взаимопонимание, теплые отношения, любовь, доверие, дружба.

На пересечении крайне противоречивых тенденций происходит оформление и постепенное закрепление модели семьи, адекватной современному цифровому миру, – модели семьи платформы. Ее временные рамки, границы (состав семьи), характер взаимодействий не имеют четких очертаний. Важно другое – такая платформа необходима для того, чтобы «здесь и сейчас» индивид мог создать нужную ему систему взаимодействий для жизненной самореализации, для решения текущих задач (Фирсов А. Трансформация брака...). Если ситуация изменится, то может измениться и решение в отношении семьи, семейной жизни, ее формы, значимости и необходимости для индивида. Современный мир утратил свойство и умение, а также, что важно, желание сохранять долговременные связи, отношения, а семья уже зачастую не является доминантной в жизни человека, а вплетена в паутину социальных взаимодействий, жизненных конструкторов и платформ на правах одной из многих. Таких платформ может быть много, как и форм, в которых она создается. Кому-то удобна форма гостевого брака, кому-то – чайлдфри, кому-то – гражданского брака. И человек сам выбирает себе модель в зависимости от своих предпочтений, интересов, жизненных целей и планов, конкретной ситуации. Можно было бы сказать, что семья перестала быть целью, что она становится средством, что, по Канту неэтично, безнравственно, однако, утверждать что-либо еще рано, так как множество семейных миров в границах даже одного российского общества, производных от региональных и этнокультурных факторов, еще сохраняют традиционное отношение к семье как к терминальной ценности, как к цели, а не средству. В этой связи, вероятно, следует сделать осторожный вывод. Для нас очевидно, что мы наблюдаем парадигмальный сдвиг в сущностном значении семьи, в траектории ее социокультурной динамики, но этот сдвиг, знаменующий переход к модели «семья-платформа» как определяющей семейные процессы в социуме, не фиксируется на уровне тотальных проявлений. Тем не менее, те, что уже имеют место быть, довольно

заметны для того, чтобы осознавать важность их научной и социологической, в частности, рефлексии.

Таким образом, семья и брак встраиваются в модель современного цифрового мира, в котором сильные, устойчивые и долговременные связи постепенно утрачивают свою значимость и становятся довольно редким явлением. Укорененность, привязанность к чему-либо, к кому-либо на всю жизнь нетипична для высоко мобильного мира. Семья перестает быть доминантой в жизни человека и вплетается в многообразный и разнообразный, динамично меняющийся и непостоянный мир сетевых взаимодействий, в пространстве которых семья существует в виде одной из платформ, а не фундамента – ни для человека, ни для общества.

Как управлять институтом семьи и семейными процессами в обществе?

При таком вариативном, противоречивом, еще не полностью научно осмысленном характере развития семьи, которая становится независимой, автономной, не ориентированной на обеспечение социально значимых задач и функций, возникает важный вопрос: как управлять институтом семьи?

На этот вопрос пока однозначного ответа нет. Российское государство использует монетарный способ воздействия на семейно-брачные процессы в обществе в стремлении решить демографические проблемы. Хорошо всем известен проект под названием «Материнский капитал», но хочется привести другой пример, связанный с государственной поддержкой неполных семей. Она стала оказываться с мая 2022 года. До этого в России специальные виды социальной поддержки неполных семей с детьми отсутствовали. Теперь им оказывается помощь при наличии детей от 8 до 17 лет в виде ежемесячной выплаты в размере 50–100% от величины прожиточного минимума на детей в субъекте РФ. В Дагестане, Чечне и других кавказских республиках после принятия закона об этом виде социальной поддержки семей стала наблюдаться высочайшая динамика разводов, а также внебрачной рождаемости, что нетипично для мусульманских народов, однако, ситуация объясняется просто – религиозный брак гораздо важнее для народов кавказских народов, нежели светский (Росстат назвал регионы..., 2023). Иными словами, ради возможности получить пособие на детей (а их, как правило, несколько в мусульманской семье), такие семьи идут на формальный развод, сохраняя при этом семью в контексте мусульманского брака.

Возникает ряд вопросов. Во-первых, аналогичная ситуация может возникнуть и в других регионах России, и у других этнических групп. К примеру, среди русского населения распространён гражданский брак (сожительство). В обществе уже не осуждают строго тех, кто принимает решение не регистрировать супружеские отношения – за каждым признается право выбора стратегии семейно-брачных отношений. Описанный выше поведенческий механизм решения материальных проблем может использоваться и в этом формате семейно-брачных ориентиров – официально развестись, сохранив семейные отношения в форме сожительства.

Логично рождается следующий вопрос. К чему может привести сложившаяся ситуация, связанная с изменением семейно-брачного поведения супругов под влиянием монетарной политики государства, когда благие намерения с его стороны вызывают к жизни социально-демографические явления и показатели, отнюдь неблагоприятного свойства? Во-первых, это ведет к девальвации ценности брака как формы организации семейно-брачных отношений. Во-вторых, – к серьезным проблемам в области социологической диагностики и прогнозирования семейно-брачных процессов в обществе, когда, отталкиваясь от реальных данных в виде показателей брачности, разводимости, исследователи получают картину семейной жизни в стране, не отражающую реальность. Иными словами, семья как реальный объект научного осмысления и изучения ускользает, принимает облик ускользающей реальности, а, следовательно, управлять этим объектом будет все сложнее и сложнее. Излишняя идеализация «традиционной российской семьи» с акцентом на ее постоянном разрушении, как отмечает Т.А. Гурко, только создает барьеры для изучения реальных

проблем (Гурко, 2017, 99), не позволяет выйти за пределы устоявшихся, уже принявших, во многом, мифический облик, взглядов и исследовательских установок на семью. Много говорится о том, какой должна быть семья и какой хотелось бы ее видеть, а подлинный научный анализ как основа эффективных управленческих решений предполагает обращение к реалиям.

Заключение: мир не будет прежним после пандемии, а семья?

Исходя из всего, сказанного выше, можно порассуждать о перспективах развития семьи в современный период с акцентом на постпандемических реалиях. Почему именно на них? Дело в том, что пандемия коронавируса более остро поставила перед всем миром вопрос безопасности, а вместе с ним и семьи как формы организации жизни людей в ее сущностном значении и функциональном предназначении. Как выжить в этом глобальном и совершенно небезопасном мире? Как безопаснее организовать жизнь - в одиночку или в семье? А если в семье, то в какой...?

Наши суждения сводятся к следующим тезисам.

Тезис первый. Мир не будет прежним после пандемии. И семья тоже, так как она попадает в логику этого нового постпандемического мира. Этот новый мир характеризует много различных аспектов, признаков, но основной из них – это осевшая в массовом сознании мысль, что в один миг может все измениться, все разрушиться, можно даже умереть от очередной эпидемии или военных действий, очаги которых стремительно распространяются по всему миру. В этой связи в массовом сознании формируются следующие установки:

1) надо жить «здесь и сейчас», получать удовольствие, жить счастливо;

2) надо жить так, чтобы к любой ситуации подобного (пандемического, военного) рода быть готовым и с меньшим ущербом ее перенести.

Тезис второй. В такой парадигме жизни по типу «здесь и сейчас» поменяется и смысл семьи, которая утвердится в границах модели семьи платформы, став одной из многих платформ, существующих в современном мобильном цифровом мире. Если такая платформа и будет создаваться людьми, то для реализации выше указанных установок (см. тезис первый), а для этого семья должна стать пространством личного комфорта и безопасного существования.

Тезис третий. Жизненный срок семей будущего будет недолгим, но в них как в открытых системах будет больше честности, доверия, комфорта.

В этих семьях не будет много детей, поскольку дети – это проекция будущего, не вписывающаяся в стратегию жизни по типу «здесь и сейчас».

Семья будет существовать ровно столько, сколько она сможет выполнять свою основную функцию – комфортного и безопасного пространства жизнедеятельности для членов семьи.

Тезис четвертый. Вероятно, мы наблюдаем начало заката семейной цивилизации в том ее традиционном виде, в котором привыкли воспринимать, но это не означает гибель семьи. Она меняется в логике глобальных перемен, и эти изменения нуждаются в своевременном научном осмыслении.

Литература

Верещагина, А. В. Роль семейной медиации в урегулировании семейных конфликтов и снижении динамики разводов в российском обществе (по материалам глубинных интервью) / А. В. Верещагина, А. А. Жиденко // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Т. 6, № 4(22). – С. 126-138. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.12>. – EDN ВКАСІU.

Верещагина, А. В. Российская семья в условиях постпандемической реальности: смысловая перезагрузка? / А. В. Верещагина // Российское общество в условиях постпандемической реальности: ценностная трансформация и стратегии адаптации: Материалы Всероссийской научной конференции, Дивноморское, 18–19 мая 2021 года / Отв. редактор А.В. Верещагина. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. – С. 28-33. – EDN TKUZAC.

Гурко, Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия / Т. А. Гурко // Социологические исследования. – 2017. – № 11(403). – С. 99-110. – <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>. – EDN ZRQQPZ.

93% опрошенных россиян уверены, что родить первого ребенка нужно до 30 лет. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27568.5/4892596/>

В поисках доверия. ВЦИОМ. 11 января 2024 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija>

Григ А. Красная книга. Институт семьи исчезнет из-за технологий. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/362757-krasnaya-kniga-institut-semya-ischeznet-iz-za-tehnologii>

Как пандемия повлияла на разводы. Режим доступа: <https://covid19.fom.ru/post/kak-pandemiya-povliyala-na-razvody>

Катастрофа института семьи. Российское общество движется к безбрачности и бессемейности. Режим доступа: <https://www.nakanune.ru/articles/121739/>

Когда пора по парам? Современная семья в графиках и цифрах. Режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/8901099>

Повторные браки теряют популярность. Режим доступа: <https://www.hse.ru/demo/news/209068615.html>

Под влиянием Голливуда: россияне побили рекорд по брачным контрактам. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2021/03/22/13522376.shtml>

Разводы в России: мониторинг. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring>

Росстат назвал регионы с наибольшей долей разводов. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov>

Росстат оценил динамику численности населения России к 2030 году. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/11/10/2023/6523d6669a7947fbf1552967>

Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 8. Число и состав домохозяйств. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpr_popul

Фирсов А. Трансформация брака. Как будут меняться формы совместной жизни. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/357085-transformaciya-braka-kak-budut-menyatsya-formy-sovmestnoy-zhizni>

Эксперты при Минтруда описали «портрет» неполной семьи в России. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5>

References

Vereshchagina A.V., Zhidenko A. A. The role of family mediation in resolving family conflicts and reducing the dynamics of divorce in Russian society (based on in-depth interviews). *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2023; 6; 4(22): 126–138. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.12>. (In Russ.)

Vereshchagina A.V. The Russian family in a post-pandemic reality: a semantic reboot? *Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh postpandemicheskoy real'nosti: tsennostnaya transformatsiya i strategii adaptatsii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Divnomorskoye, 18–19 maya 2021 goda = Russian society in a post-pandemic reality: value transformation and adaptation strategies: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Divnomorskoe, May 18-19, 2021* / Editor-in-chief A.V. Vereshchagina. Rostov-on-Don: Limited Liability Company Foundation for Science and Education; 2021: 28-33. (In Russ.)

Gurko T. A. New family forms: trends in distribution and concepts. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2017; 11(403): 99-110. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>. (In Russ.)

93% of Russians surveyed are sure that it is necessary to give birth to the first child before the age of 30. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27568.5/4892596/> (In Russ.)

In search of trust. VTSIOM. January 11, 2024. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija>

reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija (In Russ.)

Grig A. The Red Book. The institution of the family will disappear due to technology. Available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/362757-krasnaya-kniga-institut-semya-ischeznet-iz-za-tehnologiy> (In Russ.)

How the pandemic affected divorces. Available at: <https://covid19.fom.ru/post/kak-pandemiya-povliyala-na-razvody> (In Russ.)

The catastrophe of the family institute. Russian society is moving towards celibacy and family absence. Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/121739/> (In Russ.)

When is it time for couples? Modern family in graphs and figures. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8901099> (In Russ.)

Remarriages are losing popularity. Available at: <https://www.hse.ru/demo/news/209068615.html> (In Russ.)

Influenced by Hollywood: Russians have broken the record for marriage contracts. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2021/03/22/13522376.shtml> (In Russ.)

Divorces in Russia: monitoring. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (In Russ.)

Rosstat named the regions with the highest proportion of divorces. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov> (In Russ.)

Rosstat estimated the dynamics of the Russian population by 2030. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/10/2023/6523d6669a7947fbf1552967> (In Russ.)

Rosstat. The 2020 All-Russian Population Census. Volume 8. Number and composition of households. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (In Russ.)

Firsov A. Transformation of marriage. How the forms of living together will change. Available at: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/357085-transformaciya-braka-kak-budut-menyatsya-formy-sovmestnoy-zhizni> (In Russ.)

Experts at the Ministry of Labor described the "portrait" of a single-parent family in Russia. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 5.11.2024

Дата окончания рецензирования: 29.11.2024

Дата принятия к публикации: 30.11.2024

Информация об авторе

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anrietta25@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anrietta25@mail.ru

The author has no conflict of interest to declare